

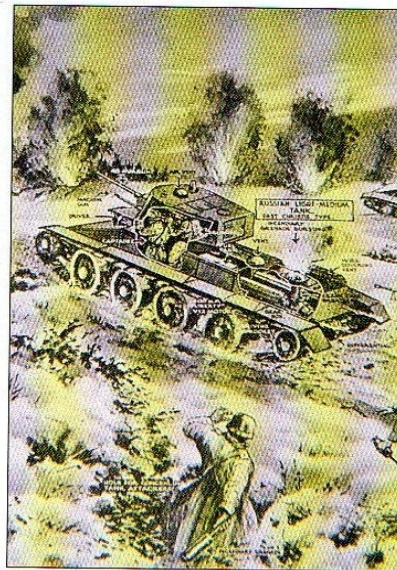
Тимо Вихавайнен, доктор философии (Финляндия)

Чудо «зимней войны»

Разобщенная нация обретает единство

Условия мира, подписанного финской делегацией в Москве, рассматривались в Финляндии как национальная катастрофа, и война, в которой страна потеряла целую провинцию, во всяком случае не могла оцениваться как победная. Но в то же время исход «зимней войны» ни в коей мере не рассматривался просто как поражение, и даже карельские беженцы не считали, что война была ненужной. Население было глубоко убеждено, что благодаря вооруженному сопротивлению страна была спасена от еще большего бедствия. Чтобы понять психологическое воздействие «зимней войны», которое, вероятно, оказалось наиболее важным коллективным опытом в финской истории, мы должны рассмотреть, что в финско-советских отношениях предшествовало ей.

Финская инструкция по борьбе с советскими танками.

Исторический процесс, приведший Финляндию к независимости в 1917—1918 годах, был глубоко драматичен. После Октябрьской революции финский Сенат провозгласил независимость страны. Действительно, советское правительство признало суверенитет Финляндии, но в общественном мнении это не оставило положительного отпечатка, так как это было то же правительство, которое вооружило и помогало всеми средствами финскому красному правительству, узурпировавшему власть в конце января 1918 года. Последовавшая в результате гражданская война длилась более трех месяцев и нанесла огромный ущерб: много финнов — как «белых», так и «красных» — было убито,

покалечено, прошло через тюрьмы и лишения. Гражданская война не привела к диктатуре, но расколола страну на «белых» и «красных». Прошло немногим более 20 лет после гражданской войны, и к осени 1939 года многие зарубежные (и даже некоторые местные) наблюдатели были убеждены, что финская нация не сможет единым фронтом противостоять Советскому Союзу.

Тем не менее финская нация оказалась единой перед лицом советской агрессии и единодушно поддержала предпринятые военные усилия. Это известно, поскольку общественное мнение изучалось специальной службой, а также, независимо, полицией и военными. Фактически именно это на-

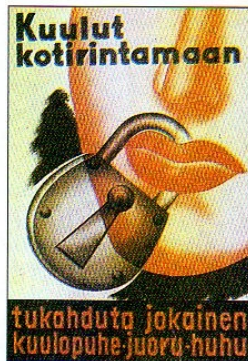
циональное сплочение, «воодушевление нации во время «зимней войны» и было справедливо названо «чудом «зимней войны».

Как и большинство чудес, это чудо имело вполне естественное объяснение. Главную роль сыграла разница между советской пропагандой и реальным положением дел в СССР и Финляндии.

Финская буржуазия была решительно настроена против русских с конца прошлого века, когда генерал-губернатор Бобриков взялся проводить в жизнь программу русификации. До Октябрьской революции «красные» также придерживались политики сопротивления властям. После 1918 года часть «красных» склонилась на

Атакуют финские лыжники.

Финские плакаты.

сторону Советской России, но вскоре в финской социал-демократии возобладала умеренная реформистская линия; партия сформировала правительство меньшинства уже в 1926—1927 годах и занимала прочные позиции в коалиционном правительстве с 1937 года. В то время как социал-демократы приняли участие в воссоздании основ «государства всеобщего благоденствия» и жизненный уровень населения начал расти, коммунисты окончательно скомпрометировали себя не только в Финляндии, но и в Советском Союзе.

Сталинская террористическая система была знакома Финляндии, по-видимому, лучше, чем какой-либо другой стране. Тысячи «красных» финнов (бежавших в Россию в 1918 году) и других эмигрантов были репрессированы, финский язык запрещен; печальной известностью пользовалась судьба раскулаченных финнов Ингрии, а те, кому удалось избежать ГУЛАГа, перешли финскую границу и поведали соотечественникам о реальной жизни в сталинском государстве. Со-

ветско-германский договор, заключенный в августе 1939 года, заставил прозреть даже самых стойких сторонников коммунизма.

С XIX века в финско-русских отношениях была сильна традиция законпочитания. Считалось, что только за счет неукоснительного сохранения целостности финских законов народ может избежать постепенного поглощения могучим соседом. Осенью 1939 года, когда пример Чехословакии, шаг за шагом аннексированной немцами, был еще свеж в памяти, финское общественное мнение было сильно встревожено советскими предложениями, которые грозили оставить без крова тысячи финнов. Как свидетельствуют данные компетентных органов, типичная реакция была такова: ни камня русским. Общественность больше всего опасалась, что правительство не выдержит и уступит на переговорах.

Наиболее серьезными просчетами советской пропаганды, несомненно, были создание «правительства» Куусинена и бомбардировки финских городов.

Финское общественное мнение и особенно социалистические круги не верили в возможность войны до конца. Бомбардировки мирных городов, не говоря уже о рабочих кварталах, казались невероятными. Тем не менее это случилось в первые же дни войны и вызвало гнев рабочих. Даже те, кто примкнул к красногвардейцам в 1918 году, теперь пошли добровольцами на фронт. Коммунистическая партия Финляндии оказалась совершенно неспособной расположить народ в пользу «правительства» Куусинена.... Частично это объясняется тем, что сам Сталин разрушил «большевистское» ядро партии в Советском Союзе.

Другим фактором, подорвавшим шансы Куусинена, была не внушавшая доверия советская природа его пропагандистской подготовки. В самом начале войны советская сторона распространила заявление Коммунистической партии Финляндии, в котором утверждала, что в стране началась революция. Ныне, в отличие от 1918 года, говорилось в заявлении, «красным» финнам помогает могучая Крас-

ная Армия, что гарантирует победу. За этим заявлением последовали новости о создании нового «правительства» Куусинена и о советско-финляндском договоре о дружбе, подписанном Куусиненом и Молотовым. Противопоставление «народного правительства» законному «плутократическому» правительству социал-демократов и центристов само по себе было невероятным. Более того, новое соглашение (которое подлежало ратификации в Хельсинки, как только это станет возможным) предусматривало пересмотр границ. В газете «Правда» на целой странице была помещена карта (ее доставляли в Финляндию самолетами), из которой следовало, что Финляндия теряет «незначительный» участок на Карельском перешейке, но зато приобретает огромные территории в Восточной Карелии. Как говорилось в договоре, «вековая мечта» о воссоединении финского и (восточно-) карельского народов ныне стала реальностью. Этот «дар» советское правительство использовало в Лиге Наций как аргумент против упреков в агрессии: Советский Союз-де оказывает помощь новому «правительству» и даже подарил ему обширные территории; это обстоятельство не позволяет говорить о какой-либо агрессии.

Действительно, идея «Великой Финляндии», включающей Восточную Карелию, владела умами некоторых молодых радикалов. Для большинства, однако, она означала присоединение Финляндии к Восточной Карелии, жуткий режим которой был слишком хорошо известен в стране. Расписывая Финляндию как «ад белогвардейского террора», куусиненовская пропаганда так сильно противоречила реальности, что это оборачивалось против нее самой.

Тот факт, что Советский Союз признавал только «правительство» Куусинена, ставил финнов перед выбором: или бороться, или подчиниться новому режиму, который, без сомнения, будет иметь советскую природу.

Для огромного большинства населения выбор был нетрудным, однако стоит задуматься над тем, что вселяло в финнов надежду на успех вооруженного сопротивления.

В самом деле, большинство финнов сильно недооценивали военный потенциал Советского Союза. В высших военных кругах смотрели на вещи более реально, и Маннергейм, например, был настроен крайне скептически

относительно финского военного потенциала. С другой стороны, в книге Вольфа В. Хальсти, широко рекламировавшейся накануне войны, всячески превозносились перспективы оборонительной войны на финской территории. Общественное мнение действительно верило, что «цивилизированный мир» не оставит финнов в беде. Естественной союзницей считалась Швеция, большие надежды финны связывали с западными союзниками. Кое-кто даже думал, что Германия, явно имевшая влияние на русских, использует его в пользу Финляндии.

В наши дни это может показаться странным, но многие финны, особенно после первых успехов, стали думать, что их страна в состоянии справиться с Красной Армией один на один. Они решили, что восхваление мощи Красной Армии так же не имеет под собой почвы, как и вся советская пропаганда в целом. Кроме того, было известно, что командный состав Красной Армии сильно пострадал в результате жестоких чисток.

Отражая советскую агрессию, финны мыслили себя аванпостом западной цивилизации против восточного деспотизма. Еще в 1931 году — году коллективизации — известный финский поэт писал:

*Здесь с Западом встречается
Восток.
Европа за спиной, и мы стоим здесь
часовыми.
Там, за границей, пустота —
просторы Азии
И рабский труд под звездами
ночными.*

Втянутые в смертельную схватку с Советским Союзом, финны черпали силы в популярном лозунге «За дом, религию и родину». Следует упомянуть, что «защита дома» в аграрной Финляндии означала также борьбу с колхозной системой. Более того, многие полагали, что Советы хотя и упряднить семью как общественный институт.

Иностранные газеты много писали о мощи «линии Маннергейма», и финские информационные службы не пытались развенчать этот миф. Поток новостей о финских успехах настолько воодушевил общественность, что даже когда на Карельском перешейке развернулось советское наступление, большинство населения не имело понятия о грозящей катастрофе.

В связи с этим легко понять, каким ужасным ударом для Финляндии стало известие о советских условиях мира.

В день заключения мира флаги с черными лентами были приспущены, люди плакали прямо на улице. Возобладало чувство подавленности. Финны ощущали горечь по отношению к Германии — западному союзнику Советского Союза — и к Швеции, уклонившейся от помощи, но, разумеется, прежде всего по отношению к Советскому Союзу. Общее настроение выразил президент Каллио, который в своей речи довольно открыто критиковал Швецию и во время подписания мира пожелал: «Пусть отсохнет рука, подписавшая этот договор». У большинства финнов не укладывалось в голове, что историческая финская провинция потеряна безвозвратно; всюду настойчиво повторяли, что такое положение вещей не окончательно. Все было тем более непостижимо, что большую часть утраченной территории Красная Армия во время войны так и не оккупировала. Дальнейшие надежды были связаны с послевоенной мирной конференцией, которая должна была решить все территориальные споры в Европе.

Финны не думали, что борьба была напрасной: родина, религия и даже дома огромного большинства граждан были спасены. Неизбежная горечь, которая ощущалась в связи с потерями (23 000 погибших, десятки тысяч искалеченных, свыше 400 000 бездомных), не была направлена против правительства, но почти исключительно против Советского Союза и тех иностранных держав, которые неблагодарно бросили «часового Европы» сражаться в одиночку. В то же время война вселила некое чувство гордости по поводу услуги, оказанной финнами европейской цивилизации. Это выразил в своей речи Маннергейм, который отметил, что если Финляндия была в долгу перед Западом (за культуру, которую она получила), то теперь она «расплатилась до последней монетки». Чувства финнов представляли собой смесь мстительности, гордости и гнева; с большой подозрительностью они смотрели на только что созданную Карело-Финскую Советскую Республику, в которой президентом стал Куусинен, а чиновники и партийные активисты прилежно изучали финский язык.